

Город уезда Цинъян, Уездное управление.

Над залом суда висела квадратная доска с надписью Ясное зеркало висит высоко, что означало, будто чиновник здесь справедлив и беспристрастен, а его взор пронизателен, словно факел, и не позволит ускользнуть ни единому преступлению.

На высоком троне восседал сам уездный начальник — человек с жиденькими усиками, оттопыренными ушами, узким, маленьким лицом и крайне худощавым телосложением. В широком чиновничьем халате он напоминал обезьяну в мешке, а в чересчур объемистой шапке выглядел карикатурно, словно пословица о мартышке, нацепившей головной убор. Человек он или обезьяна — судить следовало по его делам.

Начальник ударил по столу деревяшкой — знаком суда — и негромко рявкнул:

— Начать заседание!

Голос его прозвучал вяло, с явным оттенком немогкости. Стоявшие внизу служители дружно ударили дубинками о пол, издав серию глухих звуков, и лениво прокричали:

— Ве-ли-чие...

После того как формальности были соблюдены, начальник таким же безжизненным тоном распорядился:

— Привести обвиняемую.

Вскоре толстомордый стражник привел в зал девушку лет пятнадцати-шестнадцати. Она была одета в красное платье, стройная и изящная, с двумя аккуратными косами, спадавшими на пояс. На красивом овальном лице застыли дорожки слез, отчего она выглядела вызывающей жалость, но при этом невероятно миловидной. Однако на ее тонких запястьях красовались тяжелые железные кандалы — они тянули руки вниз, сгибая девичью спину.

Увидев, что девушку привели, уездный начальник даже не поднял век и, едва открыв рот, произнес:

— Обвиняемая, признаешь ли ты свою вину?

Девушка стояла, опустив голову, словно не слыша вопроса. Лишь две слезинки, не переставая, катились по ее щекам. Как же так? Как же такое возможно?! Брат всего лишь отправился за город на службу, как он мог стать пособником нечисти? К тому же этот мерзкий стражник Чжу Гуй твердил, будто брат оказал сопротивление при аресте, был казнен за городской стеной, а его тело скормлено демонам.

Ее брат — самый сильный человек, которого она знала, ее единственная опора на протяжении долгих лет — как он мог оставить ее и уйти вот так? Она не могла в это поверить! Разум Чэнь Хуайцин был в смятении. Она словно застыла, превратившись в деревянную куклу, пока ее в кандалах тащили в управление. Что происходило вокруг, она не слышала.

Не дождавшись ответа, начальник не рассердился. Он лишь вяло оглядел толпу горожан, постепенно заполнявших двор, и обратился к толстомордому стражнику:

— Чжу Гуй, говори ты.

Тот сложил руки в приветственном жесте, и на его жирном лице отразилось самодовольство:

— Слушаюсь, господин. Позвольте мне изложить суть дела. Вчера мы вышли за город исполнять долг — истреблять нечисть, и столкнулись с паучьей демоницей — Государыней Паньсы из Пещеры Паутин. Изначально я, Ван Эрбао и еще трое наших товарищей вместе с предателем Чэнь Хуайанем вступили в бой с этой тварью, и у нас были шансы на победу. Но кто же знал, что этот предатель Чэнь Хуайань прямо на поле боя переметнется на сторону врага! Он не только отказался сражаться с паучихой, но еще и напал на меня и двух моих братьев!

Сказав это, Чжу Гуй демонстративно показал собравшимся и начальнику забинтованное белой тканью плечо в доказательство своих слов.

— Сражаясь изо всех сил, мы наконец убили Чэнь Хуайаня. Хоть нам и не удалось уничтожить Государыню Паньсы, мы, не щадя себя, избавились от этой заразы в наших рядах!

Закончив, Чжу Гуй с победным видом обвел взглядом толпу, будто хвастаясь великим подвигом.

— Значит, преступник Чэнь Хуайань действительно мертв? Где же его тело? — спросил начальник, жеманно поглаживая свои жиденькие усики.

— Докладываю, господин: я собственноручно казнил негодяя Чэнь Хуайаня на месте, его тело досталось демонам — достойный конец для предателя!

Ответив, Чжу Гуй преисполнился гордости. Он покосился на стоявшую рядом девушку, и в его прищуренных глазах блеснуло похотливое мерцание. Как только ее признают виновной и бросят в тюрьму, она окажется в его власти. Красавица! Если удастся, можно будет забрать ее к себе в дом третьей наложницей. А еще та вдова, торгующая булочками — ох, какие у нее персики, просто улада для глаз! Она тоже не ускользнет из его лап.

От подобных мыслей его жир затрясся, но Чжу Гуй поспешил придать лицу суровое и героическое выражение, что смотрелось крайне комично.

— А кем обвиняемая приходится Чэнь Хуайаню? — спросил начальник, с досадой глядя на молчание стражника. — Выкладывай все сразу, не заставляй меня каждый раз напоминать, это утомляет.

Жалоба начальника мигом вернула Чжу Гуя с небес на землю. Хотя этот чиновник предпочитал бездействие, лишь собирая деньги и продвигаясь по службе, все стражники знали: их власть держится только на его слове. Стоит начальнику захотеть — и с Чжу Гуя вмиг снимут его мундир. Поэтому внешне он выказывал начальнику величайшее уважение. Его игра была безупречна.

— Слушаюсь, господин! — Чжу Гуй низко поклонился и указал на девушку. — Эта девица — младшая сестра предателя Чэнь Хуайяня. Они с детства росли вместе, были неразлучны. Раз брат замыслил измену, значит, он наверняка посвятил в свои планы Чэнь Хуайцзинь. Полагаю, она знала о намерениях брата и скрыла это, из-за чего мы с товарищами едва не погибли за городом. Пусть это и не тягчайшее преступление, но она определенно заслуживает наказания согласно закону.

Закончив, он вновь поклонился:

— Решайте сами, господин.

Начальник прикрыл веки, словно засыпая, и медленно произнес:

— Чэнь Хуайцзинь, слова Чжу Гуя — правда?

Не дожидаясь ответа, он продолжил сам себе под нос:

— В таком случае, приговорить Чэнь Хуайцзинь к трем годам заключения, лишить статуса гражданина, перевести в низшее сословие, запретить...

Его речь прервал пронзительный крик девушки, нарушивший мертвую тишину зала.

— Ты лжешь! Ты все врешь! Мой брат с детства совершенствовался в боевых искусствах, чтобы истреблять демонов! Как он мог пойти на сговор с ними?! Его мастерство было лучшим во всем уезде, никто из молодых людей не мог с ним сравниться! Ты говоришь, что смог его убить?! Я не верю! Ты лжец!

Девушка, до этого стоявшая в оцепенении, внезапно вспыхнула. Она выкрикнула это, собрав все оставшиеся силы, и ее сжатые в кулаки руки, скованные кандалами, задрожали. Нежная и хрупкая доселе, сейчас она была охвачена яростью.

Начальник широко открыл глаза, и в его голосе, до того безжизненном, закипел гнев:

— Дерзкая простолюдинка! Смеешь кричать в зале суда?! Дать ей пощечин!

Двое стражников, стоявших по бокам, тут же вышли вперед. Один схватил Чэнь Хуайцзинь за волосы, другой вытащил деревянную дощечку, предназначенную для наказаний, и, не колеблясь, ударил ею по чистому личику девушки.

— Брат! — вскрикнула она. Ее лицо мгновенно побелело от ужаса. Дощечка еще не коснулась щек, а она уже закричала от страха. В минуту смертельной опасности, потеряв голову, она инстинктивно звала на помощь Чэнь Хуайяня.